

Но, несмотря на невообразимые трудности, партизаны делали все возможное, чтобы сохранить жизнь раненому. Особенно тяжелой и упорной была борьба за жизнь Федора Копылова. Вот как это произошло.

...Небольшая группа партизан во главе с Сергеем Калашниковым отправилась по близлежащим селам, чтобы избавить население от грабежа и террора оккупантов. Партизаны должны были побывать в Кошдермене (Приущельное), Шурах, Пычках (Баштановка), выбить гитлеровцев, а жителям помочь уйти в лес.

В канун нового, 1944 года перед вечером показалась группа беженцев. Шагая по узкой тропе, люди медленно поднимались в расположение отряда. Дул сырой хлесткий ветер со снегом и дождем. Партизаны Дмитрий Нечаев и Григорий Савельев сопровождали жителей. Но основная группа партизан не вернулась и на следующий день. Лишь спустя три дня пришли они в лагерь, измученные и молчаливые. Федора Копылова среди них не было.

— Сначала все шло хорошо, — докладывал Калашников, — но потом в селе Пычки разведка обнаружила немцев. Ну, мы им дали перцу. Фрицы бежали в сторону Бахчисарая. Жители встретили нас хорошо. Вместе с нами стали собираться в горы. Но тут подошли старик и молодая женщина из Керменчика (Высокое). Они просили помочь их односельчанам тоже уйти в лес.

Отправив пычкинцев в расположение отряда, мы решили зайти в Керменчик. Подойдя к селению и обогнув его, спустились в крутой овраг. Выслали разведчиков. В селе немцев не оказалось.

Ничего не жалели для нас жители. Встретили как родных, угостили богатым ужином. Были на столе и курятина, и жаркое, и мед. Пока мы ужинали, люди собирались в поход. Мы им указали дорогу в лес мимо Лак.

Перед рассветом с нашего поста раздались автоматные очереди. Одна... вторая... Федор Копылов (он был на посту) принял на себя огонь противника, задержал немцев, дал возможность всей группе с боем отступить в лес.

— Сам погиб, но зато спас товарищей! — закончил Калашников:

Николай Лебеденко находился в дозоре вместе с Копыловым. Он добавил:

— Немцы появились неожиданно. Они шли с разных

сторон тремя большими группами. Одна группа двигалась по дороге прямо на нас. Копылов залег в канаве, а мне приказал бежать в деревню и предупредить наших: «Я их пока здесь задержу, а потом догоню вас», — сказал он:

Я замешкался — как оставить товарища? Немцы приближались. Тогда Федя дал очередь по врагам и, выругавшись, закричал:

— Беги, тебе говорят!

Ну, я и побежал.

Не хотелось верить, что Федор погиб. Мне нравился этот стройный, светловолосый парень. Он прибыл к нам в составе 5-го партизанского отряда, который был организован из жителей Бия-Салы. Небольшой партизанский стаж был у Копылова. Но каждый раз после возвращения группы с задания мне докладывали, что Федор не только исполнительный, но и находчивый партизан. В разведке ли, в засаде, при выполнении любого задания он действовал расчетливо и смело, быстро оценивал обстановку. Группа обстреливала идущие по дороге автомашины, отбивала продовольственные обозы, добывала ценные разведывательные сведения.

В лагере во время отдыха он из желудей и сухих листьев мастерил кораблики. Партизаны знали, что юноша мечтал закончить после войны техникум, затем институт и строить настоящие большие корабли. В такие минуты его синие мечтательные глаза светились.

И вот теперь Феди нет среди нас. «А может быть, он только ранен? — подумал я. — Надо поговорить с ребятами и послать на место — проверить». Видимо, так думали партизаны. Не сговариваясь, один за другим пришли ко мне Иван и Павел Акишевы, Дмитрий Нечаев, брат Федора — Дмитрий, Николай Лебеденко и Олег Подгорный. Это были друзья Феди. Я разрешил им отправиться на поиски Копылова.

С нетерпением мы ждали их возвращения. Всякое приходило в голову. Вот вернутся ребята, принесут тело Федора, и не останется ничего другого, как отдать воинскую почесть храброму товарищу.

Партизаны возвратились под вечер. На самодельных носилках, сделанных из двух палок и плащ-палатки, они привезли Копылова: он был жив. Его нашли в разрушенном сарае изувеченным до неузнаваемости. Видимо, отстреливаясь, Федор попал в плен. Лицо его — опухшее,

в кровоподтеках и ожогах — было страшным. Глаз не видно — сплошные раны. На правой руке ни одного пальца. Изредка Копылов приходил в себя и слабо стонал. Но после перевязок сознание надолго оставило его.

Чтобы сохранить жизнь партизана, нужна была серьезная медицинская помощь. Срочно дали радиограмму на Большую землю. Нам ответили, что будет выслан санитарный самолет, который доставит Копылова в Зуйские леса. Только там, в Северном соединении, приземлялись «дугласы», которые брали на борт более двадцати человек сразу.

Ребята по очереди дежурили возле раненого. Когда он приходил в себя, то постоянно спрашивал:

— А глаза у меня целы?

— Целы, конечно, целы! — отвечали ему.

Каждый старался поддержать товарища, сказать ему что-то хорошее, ободряющее. Раздобыли мед, хлеб, молоко. Стали кормить Копылова, но это было не так просто сделать. Запекшиеся губы партизана не шевелились. Хлеб размачивали в молоке и давали с чайной ложечки. Пища не попадала в рот; струйки молока сбегали по обросшему юношеским пушком подбородку, на шею и расплывались пятнами по рубахе. От мокрой одежды Федю знобило, а голод не проходил. Тогда ребята нашли где-то фарфоровый чайник. Из носочка чайника удалось накормить ослабевшего товарища.

На следующий день Копылова направили в наш лазaret. По дороге увидели бежавшую навстречу женщину — это была мать Феди Татьяна Тимофеевна. Увидев сына, она отдалась материинскому горю, упала на подводу и во весь голос запричитала. Потом, вдруг выпрямившись, стала проклинать тех, кто принес на нашу землю страдания и разрушения.

Раненого поместили в палатке, из веток сделали койку. Врач обследовал Копылова и сокрушенно покачал головой: рука у Феди вздулась, кисть посинела. Надо было срочно отправлять раненого на Большую землю.

— А глаза у меня целы? — снова спрашивал Федя.

Врач ничего не мог сказать. Лицо Копылова было опухшим, веки не поднимались.

Погода к этому времени улучшилась. Выпал снег. Наступили ясные, тихие дни. Мы с нетерпением ждали самолета.

На Федю неотвратимо надвигалась смерть. От боль-

шой потери крови он часто терял сознание. Не раскрывал рта даже во время принятия пищи. Чтобы накормить сына, Татьяна Тимофеевна пальцами делала проход в месиве из десен и зубов и, приподняв рукой голову Феди, вливалась ему в рот содержимое чайника.

Самолет появился неожиданно. Вынырнув из-за горы, он пролетел над самыми верхушками деревьев. Затем развернулся и пошел вдоль реки на посадку. Но вот он снова поднялся. Очевидно, пилоту мешал туман, который быстро расползся из ущелья. Пелена туманаширилась, густела. Скоро вся долина была заполнена колышущейся молочной пеной.

Самолет стрекотал и стрекотал. Нам стало ясно, что приземлиться ему не удастся. Покачав крыльями, посланец Большой земли исчез так же неожиданно, как и появился.

Наступила тишина, долгая и томительная. Партизаны старались не смотреть друг другу в глаза, хотя никто из них не был виноват в том, что произошло. Было обидно. Мы теряли своих лучших товарищей в стычках с врагом. Зачем же умирать этому юноше, для спасения жизни которого затрачено столько усилий?

А сам Копылов?

Когда трое легко раненных партизан вышли на рокот самолета из палатки, Федя нашел в себе силы приподняться на локте. Он, казалось, готов был выбежать к самолету. А когда узнал, что посадка не удалась, к удивлению окружающих его товарищей, впервые слабо улыбнулся и скорее просвистел, чем проговорил:

— Ничего. Прилетел один раз — прилетит и в другой!

Эта уверенность помогала ему бороться за жизнь.

Снова солнечное утро, снова мы ждем самолет. Но вместо ожидаемого По-2 в небе появилась «рама» — немецкий самолет «фокке-вульф-190». Неспроста поднялась в воздух эта авиационная ищечка. Самолет прожужжал где-то высоко над головой и смолк. И сразу же вслед за этим издалека послышался неровный гул бомбардировщиков. Они начали бомбить мирное население в Чертовом Яру. С этого и начался новый прочес леса. Разворот за разворотом, взрыв за взрывом. Немцы об наружили и лагерь и лазарет.

В самом начале налета в палатке остались лишь Федор и мать. Бомбы ложились все ближе. Все, кто мог

самостоятельно передвигаться, оставили палатку и отправились к берегу реки в землянку.

— Ну сынок, если погибать — так вместе! — сказала Татьяна Тимофеевна и обложила Федора матрацами. Бомбардировщики разворачивались для следующего захода. В этот момент в палатку вбежали запыхавшиеся Николай Лебеденко и Дмитрий Копылов. Они схватили носилки и бегом отнесли Федора в землянку. Едва они успели это сделать, как на палатку упала бомба. Там, где был лазарет, образовалась огромная яма.

Полдня авиация бомбила лес. Стало темно, словно в сумерки, коричневый дым застлал небо. Привезли из Чертова Яра две подводы раненых. Старик, оторвав низ рубахи, бинтовал себе ногу. Он не вздрагивал, не стонал. Но в его лице, в его молчании были видны боль, страдание. Молодая женщина с обезумевшими глазами бежала за подводами и кричала:

— Ира, Ирочка!.. Да где же ты, моя девочка?

И долго еще она блуждала недалеко от землянки, зовя свою дочь, плача и смеясь... Голос ее звучал слабее и слабее, дальше и дальше уходила она в лес. Вскоре ее совсем не стало слышно.

После налета мы вынуждены были уйти в глубь леса, под Черную гору. Брать с собой тяжело раненных было опасно. Во время прочесов по лесу шныряли мелкие отряды противника. Стоны раненых при передвижении могли выдать нас. Поэтому тех, кто мог ходить, мы взяли с собой, а тех, кто не мог передвигаться, оставили в землянке, тщательно замаскировав ее валежником и снегом. При первом же удобном случае мы должны были вернуться за товарищами.

Как потом выяснилось, стенки сырой землянки за морозную ночь покрылись слоем льда. Одежда тех, кто находился у стен, примерзла, так как раненые лежали без движения. Еще с вечера почти у самой землянки несколько раз проходили немцы, румыны и «добровольцы». Они видели, что лагерь покинут, им в голову не приходило, что здесь рядом притаились живые люди. Землянку они не заметили. Слыша их топот и разговор, партизаны боялись пошевелиться, затаили дыхание, опасаясь, что нестерпимая боль вырвется вдруг сдавленным стоном. В землянке было холодно. К утру от столбняка умерло пять человек. Потом еще двое.

Как только немцы продвинулись дальше, Дмитрий и

Николай, спасшие Копылова от бомбы, пробрались во вражеское расположение к раненым, оставленным в землянке.

— Обрадовались они, — рассказывал после Дмитрий. — Мы попросили раненых соблюдать тишину, так как немцы были совсем рядом. Дали каждому по сухарю, напоили водой. Умерших зарыли в снег. Николай поймал бродячую лошадь, мы запрягли ее в сани, вынесли Федора, забрали остальных и повезли.

Опасным был этот путь. «Рама» с воздуха контролировала оставленный лагерь и подступы к нему. Снегу в ту зиму было много. Каждый раз, когда приближался стервятник, партизаны падали и притворялись убитыми. Малейшая оплошность могла привести к трагическому концу. Лежали в снегу. Замерзали, но не двигались.

И все же летчик заметил что-то подозрительное. Заял пулемет. Со злым шипением впивались в снег пули. Рядом с партизанами мгновенно поднимались и опадали белые фонтанчики. Одна пуля сорвала каблук с сапога Николая, но нога осталась цела. Позднее ребята, шутя, просили Лебеденко, чтобы он рассказал, как немец с самолета снимал ему сапоги.

— Правда, что у тебя пятка чесалась, а сапоги самому снимать было лень? — спрашивали его.

Николай не возражал против подобных шуток. Они ему напоминали ту дорогу, по которой везли Копылова в новый лагерь. Вспоминались ему и крутые подъемы, когда он и Дмитрий подпрягались в сани, и то, как обходили возможные места встреч с немцами, и то, как сломался полоз, как заблудились в лесу и чуть не наткнулись на врага.

Ослабевшие от продолжительного недоедания, Дмитрий и Николай часто останавливались в дороге, чтобы передохнуть. Вечером мороз стал сильнее, и одежда на них обмерзла. Измученные и голодные, они еле плелись. Тут их нашли высланные на помощь Федор Нечаев, Григорий Савельев, Николай Седельников.

После ночи в землянке Копылову стало хуже. У него поднялась температура, сочились обрубленные пальцы. Требовалась немедленная ампутация правой кисти.

Когда кончился бой, хирург пришел в землянку, отдал Татьяне Тимофеевне две ножовки и сказал:

— Их нужно хорошенко почистить и выварить. Сделайте это сейчас же.

Еще при первом осмотре Копылова хирург понял, что спасти этого человека можно было только в нормальной госпитальной обстановке. Но сейчас ничего не оставалось делать, как удалить гниющую часть руки.

Можно было только удивляться тому, что Копылов продолжал еще жить. Вслед за первой операцией ему пришлось выдержать и вторую: гангрена распространилась, руку отняли по локоть.

Страдания Федора на этом не кончились. Заражение перешло выше локтя, и на следующее утро была удалена вся рука.

Силы оставили Копылова. Он пал духом. Начал додгадываться, что и с глазами у него гораздо хуже, чем это объясняли ему мать и товарищи, что, возможно, он больше никогда не увидит неба, солнца, моря. Мрачные мысли роились в голове. Он уже не прислушивался ко всему, что его окружало. Равнодушно встретил рокот санитарного самолета, прилетевшего специально за ним. Ему, казалось, было безразлично — находиться ли с партизанами в лесу или попасть на Большую землю.

Посадить самолет было делом нелегким. Долина реки Сырая Альма мало подходила для аэродрома. Повсюду были кочки и выбоины. Пробежке мешал кустарник. Поэтому сразу же после посадки летчик попросил расчистить место для взлета.

Медлить нельзя было ни минуты. Истощенные, полу-gолодные люди взялись за топоры, кирки, лопаты. Мать Копылова, хирург и летчик тоже рубили кустарник. Но при всем старании с подготовкой площадки справились только к вечеру.

Пилот помог усадить Копылова в кабину. Федю, словно ребенка, завернули в одеяло, обложили подушками, на голову повязали шаль. Попрощавшись с матерью и товарищами, летчик занял свое место и включил мотор.

Надежды на то, что Копылов выживет, было мало. Хотелось сказать ему: может, лучше было бы, чтобы свои, близкие люди закрыли тебе глаза? Ты делил с нами неизгоды боевой жизни, до конца был верен партизанской клятве, не жалел себя...

Прощай, Федор!..

Двое партизан, удерживая равновесие самолета, взялись за крылья и побежали вместе с ним. Прыгая на ухабах, машина оторвалась от земли и, набрав высоту, расстяла в сизом сумраке.

* * *

Окончилась война. Собирая материал для этой книги, я разыскал партизан, которые в годы войны находились в Южном соединении. Пытался узнать что-нибудь о Копылове, но ничего выяснить не мог.

И вот, когда я уже не думал напасть на какой-либо след, неожиданно получаю письмо от самого Копылова.

Поехал к нему в Верхоречье в разгар лета. На пепелище, которое оставили немцы, стояло новое село. Колхозные дома прятались в зелени молодых садов. Федя встретил меня у калитки. Он шел, постукивая впереди себя тростью. Глаза закрыты.

Мы зашли в сад, сели в тени черешни.

— Вот, как видите, — начал Копылов, — живу у родных. Научился читать и писать по Брайлю.

Постепенно разговор перешел на прошлое.

— Летчик, помню его имя — Леня, на свой риск решил доставить меня сразу на Большую землю. Видимо, я в самом деле был очень плох. Так, минуя Зуйские леса, я попал сразу в станицу Старотитовку на Кубани.

— Теперь не бойся прочесов, твоя жизнь спасена, — сказал мне Леня, просьбаясь.

Меня лечили в Краснодарском партизанском госпитале и в армейской глазной больнице в Сочи. Но зрение не вернулось. Поднялся на ноги лишь в мае. Но прошло еще четыре месяца, прежде чем врачебно-экспертная комиссия выписала меня. В сопровождении медсестры — уроженки Евпатории — я прибыл к отцу и матери в село Дачное. А потом, спустя три года, наша семья вернулась в родные места...

Федя рассказал о брате Дмитрии. Он ушел добровольцем на фронт и погиб в феврале 1945 года.

Погиб в войну и старший брат Федора — Михаил. После боев на берегах Волги он дошел до Донбасса, был тяжело ранен и скончался в госпитале.

Я слушал спокойный, глуховатый голос Федора, и картины незабываемого прошлого снова оживали в моей памяти. А вокруг сиял яркий солнечный день. Шумели молодые сады, выстроились в ряд добротные дома. На пепелище войны выросло новое колхозное село. Жизнь победила смерть и разруху.